

Михаил
Гантварг:

"Я держу скрипку, словно гранату с сорванной чекой"

ВЫСТУПЛЕНИЯ камерного ансамбля "Солисты Санкт-Петербурга" под управлением одного из ведущих наших скрипачей, лауреата Конкурса имени Паганини, заслуженного артиста России и профессора Петербургской консерватории **Михаила Гантварга** включены в программу предстоящего фестиваля "Звезды Белых ночей-95". Кроме того, Гантварг будет фигурировать и как солист. Этот факт послужил главным поводом к интервью с ним. Но беседа оказалась намного шире фестивальной тематики.

Михаил Ханонович, собираясь к вам на встречу, я вспомнила газетную заметку пятилетней давности, в которой некий молодой человек признавался, что у него над кроватью висит портрет не "Битлз" и не Цоя, а портрет Гантварга. Он жаловался, что невозможно попасть на ваш концерт, и заканчивал душераздирающим воплем: "Дяденьки и тетеньки! Пустите студентов на Гантварга". Это что, время было такое?

Наша исполнительская манера всегда импонировала молодым. Особенно тогда в 87-88-м. Первые годы существования ансамбля. Вероятнее все-

го, мы играли достаточно живо. Что касается времени. Это всегда очень важно - угадать его, попасть в настроение, ситуацию. Возможно, если бы мы решили создать ансамбль на год раньше, нам бы этого не дали сделать. На всякий случай. Если на год позже, уже не было бы на это денег.

С самого начала я мечтал о том, чтобы у нас было свое лицо, отличное от других. Чтобы мы были не похожи на московских "Виртуозов" или другие замечательные ансамбли. Я поначалу даже навязывал музыкантам свои идеи, потому что они считали постулат не что обязательно к исполнению. Это во-первых. Во-вторых, мне хотелось воплотить необыкновенный петербургский дух. То что мы существуем уже 8 лет - это показатель верно выбранного направления.

О городе, в котором мы сейчас с вами находимся, существует множество мифов, иногда не совсем оправданных. Один из мифов петербургская публика. Она в самом деле так восприимчива, как о ней говорят?

Сначала я хотел бы вас поправить. Мы не находимся в этом городе - мы здесь живем. А я так лично здесь родился, учился и, к счастью ли, к несчастью ли, не представляю себя вне этих улиц, вне этих людей, которые меня окружают и вне этой публики.

Я довольно рано начал концертную деятельность в 18 лет. Сейчас мне уже 48. За это время я успел захватить не-

сколько поколений ленинградской, а потом петербургской публики. Помню еще дряхлых старушек, которые слышали Шалыпина, Рахманинова, Горовица и всю эту выдающуюся плеяду, которая, наверное, и определила уровень развития музыкальной культуры XX века. На пустом месте ничего не происходит. И традиция восприятия - она существует и по сей день.

Этот город гениален тем, что может возрождаться. Каждый раз его вырезают под корень, а смотришь - опять что-то проросло. Ему не повезло ужасно и в то же время повезло, что столица была перенесена в Москву. Мы болеем теми же болезнями, что и москвичи, но значительно позднее. Иногда даже успеваем выработать иммунитет.

Основным поводом для нашего разговора послужил предстоящий фестиваль "Звезды Белых ночей"...

Раньше мы четко знали, есть, допустим, "Московская зима", "Ленинградская весна", "Белые ночи". Все! Сейчас я участвую в таком количестве фестивалей, что просто не в состоянии запомнить их названия. Мода пошла на фестивали. И с одной стороны это хорошо. Я так много физических, а главное, творческих лет прожил в условиях чудовищного режима и занавеса, через который не было ходу ни сюда, ни отсюда. Мы только знали, существуют такие люди, как Хейфец, Менухин, Рубинштейн, Казальс. И только недавно мы смогли их увидеть воочию.

Я давно и близко знаю Валеру Гергиева. В нем такой огромный потенциал, что он в состоянии руководить не только фестивалем, но и всей страной.

Даже такой большой, как наша.

Финансы - это другой вопрос. Мы все живем сейчас плохо, бедно, тяжело. Островский сказал: "Бедность - не порок".

- Сейчас вроде как объявили, что порок.

Я Островскому больше в этом вопросе доверяю. Бедность все-таки не порок. Но идти проигрывать в рулетку последние гроши - уже порок. Тут я согласен.

- Михаил Ханонович, когда вы выходите из мира классической музыки, то что вас питает за ее пределами, чем вы вдохновляетесь?

Грех сознаваться, но когда по-настоящему занимаешься музыкой, то она съедает не просто время, а все реальные шевеления в голове.

Мне страшно даже представить, что я в своей жизни мог бы заниматься чем-нибудь другим. Хотя иногда думается: "Боже мой! Почему я не могу жить как нормальный человек?"

Недавно в Америке мы дали 45 концертов подряд за 50 с лишним дней. Начали с Калифорнии, поднялись до штата Вашингтон и окончили Техасом. 15 тысяч миль мы проехали на своем автобусе. А до этого были Испания, Германия. В Севилье у меня была температура - 40 градусов, но отменить концерт нельзя. А вечером - в автобус и опять всю ночь в дороге. Помню, я тогда подумал, что все отдал бы за полчаса в постели. Но.

Скрипка - существо очень ревнивое. Если ты о ней забываешь или отодвигаешь в сторону, она тебе мстит. На все остальное не хватает душевного настроения. Хотя во время длительных гастролей тягостит от отсутствия русской книжки.

Некоторые музыканты проводят четкие ассоциативные линии между музыкальными и литературными произведениями. Грубо говоря: Жорж Бизе - Проспер Мери...

У многих, я знаю, возникают ассоциации не только с литературой, но и с живописью, цветом, даже вкусом. Но у меня никаких ассоциаций, кроме как

с самой музыкой, нет.

- Я, например, как всякий дилетант, слушаю музыку, ее не слышу: думаю о своем... А как играет музыкант? Забываетесь ли вы, играя на скрипке, выключаетесь ли из реальности?

Это очень тяжелый процесс, который требует концентрации всех твоих сил: физических, моральных. Ты держишь скрипку, а такое ощущение, что это - граната без предохранителя. Любое неосторожное движение - и все может полететь, рухнуть, взорваться.

Я всегда хорошо чувствую зал. Знаю, сколько минут мне дано, чтобы окончательно "забрать" его.

- В свое время "Солисты Санкт-Петербурга" занимались благотворительностью, закупая одноразовые шприцы за границей и даря их местным клиникам. А теперь не нуждается ли вы сами в благотворительной помощи? Как живет ансамбль?

Мы существовали и существуем в основном благодаря зарубежным гастролям. Но если раньше на гонорары от концертов музыкант мог себе позволить что-нибудь купить там, то теперь деньги откладываются, чтобы жить на них здесь.

- Ваш ансамбль можно назвать семьей? Например, отмечаете ли вы день образования ансамбля?

У нас их даже два. Первое выступление на худсовете в тогдашнем Ленконцерте и первый концерт в Малом зале Филармонии. В зависимости от ситуации и отмечаем.

Через ансамбль за это время прошло довольно много людей, хотя вы говорите, что костяк тот же. А была ли у вас потеря, о которой вы до сих пор жалеете?

Я всегда говорил, что в нашем ансамбле есть только один незаменимый человек. Это я. И то до той поры, пока являюсь художественным руководителем.

Беседовала
Елена ДОСТОВАЛОВА

